

Юрий Журавлёв

Рассказы

Юрий Журавлёв

Рассказы

«Издательские решения»

Журавлёв Ю.

Рассказы / Ю. Журавлёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-4490-3806-7

В книге представлены первые два рассказа о детских воспоминаниях автора. Следующий короткий рассказ относится к современным событиям «нулевых годов». И последняя — это сказка о простом человеческом счастье, которое должно быть у каждого.

ISBN 978-5-4490-3806-7

© Журавлёв Ю.
© Издательские решения

Рассказы

Юрий Журавлёв

© Юрий Журавлёв, 2018

ISBN 978-5-4490-3806-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Русская печь, стоявшая почти посередине первой половины избы, была огромна, по сравнению, со мной. Выбеленная от самого низа, где, обнесённая плитусом с калёвками, она, казалось, всем своим весом опиралась на располовиненные и притёсанные друг к дружке еловые брёвна, покрашенные «кирпичного» цвета краской. Широкая внизу, чуть больше метра от пола, перехваченная тонкой линией пояса, обозначавшего её талию, выше была заужена рукой мастера на четверть кирпича, и дальше, статно вытягивалась под самый потолок. Если запрокинуть голову, то можно увидеть корону печи, которая совсем немножко не доставала до строганных потолочных досок, покрашенных потемневшими белилами.

Нарезанные русты придавали печи дополнительный объём и сходство с древней крепостью, сложенной из огромных белых прямоугольных камней. Печурка, с неизменно торчащим из неё сверкающим подойником, внизу всегда полна целых спичечных коробков. Таинственное окно внизу, расположенное к ближней стенке, над которым вход на лежанку, было пугающе притягательным, и в него безбоязненно могла нырять только кошка. Она делала это всегда так быстро, что мне даже не удавалось ухватить её за кончик хвоста. Подобраться ближе к проёму всегда что-то не пускало, отталкивало и грозило.

Набраться смелости и заглянуть в тёмный под, куда всё время убегала от меня хитрая кошка, я смог только тогда, когда солнце разлилось по углам внутри избы, не оставив нигде ни единого тёмного пятнышка.

Посмотрев на засверкавшие в лучах стёкла буфета, с немногочисленной праздничной посудой, на радугу, внезапно выскочившую из зеркала, на посветлевшие лица на фотографиях, в застеклённых рамах, развешенных на трёх стенах, я понял, что пора!

Соскочив со скамейки, на которой сидел и болтал ногами, я осторожно наступил на солнечный прямоугольник окна, лежащий посередине пола. Доски грели пятки, и это придавало мне немного уверенности. Глубоко вздохнув, сделал первый осторожный шаг вперёд. Кошка, всё время неотрывно наблюдавшая за мной из-под полуприкрытых век, почуяв неладное, встрепенулась и, спрыгнув со стула, на котором нежилась, греясь на солнце, недовольно пошла за печку. Припустив за кошкой, скрывшейся за углом печки, я, громко шлёпая босиком по полу, почти настиг её, и уже готов был схватить вытянутой вперёд рукой, но хитрая животиная, даже не оборачиваясь, резко прибавила ход, метнулась за следующий угол и нырнула под печь.

Держась рукой за стену, что была напротив проёма, проглотившего кошку, я, наклонившись, пытаюсь разглядеть, куда она подевалась. Глубина под печью просто манит меня к себе, но её величина пугает детский ум и приходится отступить.

Мягко, на цыпочках, отступаю в сторону и продолжаю тихо идти дальше. Вот и чёрный, закопченный загнеток, со светлыми полосками, прочерченными донцами чугунок, за ним — полукруглая заслонка, держащая жар внутри печи. Над загнетком, сбоку от шестка с растоп-

кой, такое же закопченное перетрубье. В него дым просто улетает, заворачиваясь серым валиком, когда топится печь. Чёрный, огромный рот печи, который может меня легко проглотить, почему-то, совсем не страшный, хотя весь покрыт сажей, от которой очень трудно отмыть запачканный палец.

Дойдя до буфета, условно отделявшего кухню от столовой, я разворачиваюсь, и тихо-нечко иду назад. Подкравшись до угла, одним глазком осторожно выглядываю оттуда.

Никого...

Размеренно и важно цокают настенные часы в тёмной коробке. Плавно раскачиваясь из стороны в сторону, кругляш маятника отликает серебром за стеклянным фартуком дверцы из благородного дерева.

– Цык – клак, цык – клак, – говорят часы со стены, удивлённо вскидывая стрелки на своём круглом лице. Спорят о чём-то мухи, кружа вокруг одиноко свисающей с потолка лампочки.

В доме, кроме меня и солнца никого нет, один только страх сидит где-то глубоко под печкой, но я ему сейчас покажу!

Крепко зажмурив глаза, я представляю себя самым храбрым и бесстрашным солдатом на свете!

«Да, так оно и есть! Я – самый смелый и непобедимый!» – широко открываю глаза и смело иду в атаку вокруг печки! «Раз, два! Раз, два!» – командую сам себе, бодро вышагивая босиком по толстым половинкам брёвен. Звенит в пятках от глухих ударов по полу, стучит в затылке, но я, проходя мимо страшного места, смело смотрю в его тёмный провал!

На втором круге, для поддержания духа, я начинаю петь какую-то непонятную песню без слов. Она, своими гортанными выкриками, больше похожа на песнь первобытного человека, отправляющегося на охоту. Вбивая всё увереннее ноги в пол, эти ритмичные крики выгоняют из меня все остатки страха прочь. Остановившись у лавки, где стояли ведра с водой, я, схватив ручку алюминиевого двухлитрового ковшика, плавающего в одном из них, зачерпнул добрую его половину и, держа двумя руками, сопел и долго цедил холодную воду. Оторвался от ковшика с перехватившим дыханием, шумно выдохнул, положил ковш на воду и, утерев губы рукой, смело полез с головой в темноту, где прятался страх.

В нос сразу бросился запах сырой земли и плесени. Глаза, постепенно привыкая к темноте, начинали различать неясные контуры чего-то, копошащегося в дальнем углу. «Ага, вот ты где прячешься! Сейчас я тебя, голубчика, рассмотрю получше!» – подаюсь совсем немного вперёд, как вдруг, что-то липкое бросается мне прямо в лицо, и начинает сразу же его скручивать! «Ой-ё-ёй! На меня напали!» – хочется закричать на всю деревню, – «Спасите, меня сейчас страх слопаёт! Помогите!»

Отпрянув назад, я одной рукой пытаюсь поймать выпрыгнувшее сердечко, а другой прогоняю врага, вцепившегося в моё лицо. Но пальцы снимают с лица только тоненькую паутинку, и сердчишко, запрыгнув обратно, успокаивается, колотясь всё тише.

«Теперь, если я опять посмотрю в тот тёмный угол, чем ещё меня напугает то, что там прячется? Может быть, плеснёт водой в лицо, или закричит страшно? А, может...?»

Сомневаться мне пришлось недолго, ровно столько, сколько нужно, чтобы спокойным шагом обойти вокруг печки. Обойти, не торопясь, прикасаясь к её всевозможным прочистным дверкам, находящимся в разных местах, куда только могла дотянуться моя рука. Печь молчала, откликаясь на мои прикосновения теплом, всем своим спокойным видом показывая, что никакой опасности поблизости нет, но заставить себя заглянуть под неё второй раз было намного труднее.

Опять глаза, после яркого дневного света, постепенно отодвигают темноту. Стараясь сразу не смотреть в тёмный угол, я разглядываю показавшиеся напротив брёвна. Это добротные четыре венца, стоящие прямо на голой земле. На них-то и опирается вся масса кирпичей, глины и металла, из которой сложена печь. Любопытство, буквально, за уши втягивает меня

внутри, и вот уже глаза, совсем привыкнув к темноте, различают достаточно большой лаз рядом с самым тёмным и страшным углом.

Темнота в углу, собравшаяся в густой комок, вдруг зашевелилась, и я покрылся крупными мурашками, – «Вот оно! Лихо одноглазое, сейчас я точно умру от страха!» – подумал я, цепенея от ужаса. Но из темноты прямо на меня сверкнули, почему-то, два глаза, от чего мне не стало легче, скорее, наоборот, – и я догадался, кто сидит в этом страшном углу!

Во всех избах нашей деревеньки, хоть одна, но обязательно присутствовала в углу икона. Разных размеров, давно уже без горящих лампад, они занимали своё место высоко под потолком, заботливо протёртые и убранные в кружева небольших занавесок. На них, в потемневших красках, были изображены лики святых. Сверкающим золотом отдавали вечные нимбы с нанесёнными на них замысловатыми буквами, – узорами.

В двух половинах нашего дома, строго по диагонали, находились две иконы. Бабушка называла их божницами, и грозила пальцем, пресекая все смешки по этому поводу. Она говорила, что Бог на небе очень высоко, и «Ему оттудова всё очень хорошо видно!»

– Баушка, если Бог на небе, то, значит, чёрт под землёй? Так?

– Так, так, – говорила бабушка, и мне при этом совсем не хотелось быть враз утащенным под землю. А ведь я тогда думал, что меня уже было, за что страшать чертями.

Дело в том, что в прошлом году, летом, я чуть было не спалил дом, играясь с куском мешковины возле поставленного кипятиться самовара. Каким образом мне удалось поджечь сухую тряпку, я уже толком и не помню, но она, моментально вспыхнувшая на крашеном полу, запузырила и подожгла под собой краску, распространяя при этом по избе очень едкий дым. Схватив развалившуюся на куски тряпку, я бросил под печку дымящийся кусок и выбежал во двор.

Трясаясь, как мышонок, от страха, что меня сильно отругают, если я расскажу про горящую тряпку, я стоял на придворке и, глотая слёзы, ждал, когда вспыхнет подожженный мною дом. Хорошо, что двоюродный брат Андрей, тремя годами старше, почуял неладное и, бросившись в дом, залил водой из ковшика полыхающую мешковину. Мне, конечно, тогда говорили, правда, в не очень крайней форме, приведя в пример поступок старшего брата. Глотая слёзы и сопли, я кивал головой и отвечал, что всё понял и обещал больше с огнём в доме не играть. Слово, кстати сказать, я своё сдержал, занимаясь в дальнейшем всеми пиротехническими опытами на некотором удалении от жилых построек.

Это всё было много позже, а пока, застыв при виде пары глаз, недобро светящихся на меня из сгустка темноты, я точно понял, что это чёрт, и сейчас он меня утащит под землю! Мне это мгновение не показалось вечностью, и я, всего лишь, успел про это подумать, как вынырнувшие из угла глаза погасли, и сгусток темноты, оказавшийся нашей кошкой, сказал мне своё «Мяу», и через секунду удалился в широкий проём венцов, поддерживающих печку. Посидев немного неподвижно, я развернулся, и ногами вперёд спустился под печь, где ничего более интересного так и не нашёл...

Много воды утекло в широкой реке жизни с той поры, очень много... и когда меня теперь начинают сильно и незаслуженно ругать, мне очень хочется спалить этот мир дотла.

25 февраля 2012.

Когда знакомым сверчком скрипнула дверь во вторую половину, Серёжка уже не спал, он лежал на своей постели и внимательно разглядывал маленького паучка, который путешествовал над ним по потолочной половице. Чёрная точка несколько минут назад показалась из угла и, несмотря на свои размеры, очень быстро оказалась почти на самой середине потолка второй

половины избы. Маленький путешественник уже пустился в обратный путь и почти пронёсся над Серёжкой, но тут что-то внезапно помешало его быстрому бегу, и паучок сначала остановился, словно обдумывая свои дальнейшие действия, затем засуетился, закрутился, разыскивая место поудобнее, привязал свою паутинку и начал спускаться по ней вниз.

«Какой он быстрый, этот паучок! Вот если бы с ним наперегонки попробовать, так он, наверно, запросто перегнал бы меня! Ага, точно бы перегнал, только, если бы я был без велосипеда, а когда я на своём велосипеде, меня никто на свете не догонит! Даже ветру трудно меня перегнать, он только шумит в ушах, да хватает сзади за рубашку, надувая её большим пузырьём, тормозит меня, хитрый!» – Серёжка вздохнул глубоко, сложил губы трубочкой и сильно дунул в сторону свесившейся с потолка любопытной чёрной точки. Точка осталась неподвижной, и лишь с третьей Серёжкиной попытки слегка покачнулась назад и снова вернулась на прежнее место.

Паучок и мальчишка разглядывали друг друга: один, продолжая спускаться на невидимой нити, другой, перестав выдувать воздух, притаился, приготовив ладошку, в надежде схватить неосторожно приближающегося путешественника, но, почуяв подвох, паучок замер и подался обратно к себе наверх. Серёжка быстро сел на постели и протянул руку вверх, стараясь ухватить удирающую добычу, но проворству, с которым маленькая точка достигла потолка, позавидовала бы даже кошка, – в одну секунду паучок намотал на катушку всю свою паутинку, которая и вытащила его из мальчишеской ладошки.

За открывшейся дверью показалась бабушка в тёплом платке и шубе из овчины:

– Серёжа, ты проснулся? – спросила она, – Ну и молодец, пора уже вставать, скоро будем завтракать. Давай, внучок, одевайся сам и к умывальнику, а я пока у печки похлопочу.

Серёжка тут же накрылся одеялом с головой, крепко зажмурил глаза и замер, прислушиваясь к звукам, доносившимся из другой половины. Он со всей силы притворился крепко спящим, но бабушкин голос был непреклонен:

– Вставай, лежебока! День теперь короткий, – не успеешь оглянуться, как уже и тёмно! Серёжа, – повторила настойчиво она, – подымайся, будем завтракать!

– Я не хочу! – из-под одеяла ответил мальчишка, продолжая держать глаза плотно закрытыми, в надежде, что в такой темноте, да ещё под толстым ватным одеялом, его обязательно найдёт и, как ночью, заберёт с собой сон. Но сон не приходил, а бабушкин голос поначалу удалился вглубь другой половины дома и почти сумел там пропасть, как вновь появился у открытой двери и спросил:

– Чего же ты не хочешь?

– Ничего не хочу! – ответил Серёжка, – Есть не хочу и вставать не буду! – громко сказал он под одеялом.

– Вот те раз! – опешила бабушка, – А я-то тебе каши вкусной наварила и блинов напекла. Ты же всегда любил мои блины с маслом топлёным, или это Володька соседский их так нахваливал совсем недавно и просил снова напечь, да побольше?

– Я не нахваливал блины, я их просто ел! – не желая обидеть бабушку, сказал Серёжка, – А сейчас я не хочу, я не просил, я буду жить под одеялом, – придумывал он отговорки, всё так же не желая выглядывать из-под одеяла. Там, в темноте, было так тепло и уютно, что мальчишка решил сегодня и кончика своего носа не показывать наружу, ну, если только, – на самую малость, чуть взглянуть на быстрого паучка и снова нырнуть с закрытыми глазами под одеяло.

– Серёжа, ты же уже большой мальчик, – увещевала бабушка мальчишку, – тебе уже почти пять лет!

– Мне не пять лет, – сопротивлялся подъёму голос из-под одеяла.

– А сколько? – поинтересовалась бабушка.

– Мне несколько, мне – темно!

– Поднимайся, а то и правда будет тёмно, пока туда-сюда, глядишь, и ночь на дворе.

– У меня здесь ночь, я никуда не пойду! Сов-сем, сов-се-е-ем! – зашевелилось и уже звонким голосом пропело под одеялом.

– А как же вы с дедом вчера договаривались за ёлкой сегодня в лес сходить? Не пойдёшь, значит, так я пойду, скажу ему сейчас, что не надо тебе никакой ёлки!

– Стой, бабушка, – отлетело в сторону одеяло, Серёжка быстро подскочил на ноги, – не ходи никуда, не говори ничего дедушке! Я уже проснулся!

– Хорошо, не буду ему говорить, – бабушка уже сняла платок и шубу, она стояла в проёме белых дверей и, улыбаясь Серёжке, поправляла в волосах свой гребень, – а ты одевайся и мыться. Ну где этот дед? – глядя в сторону входной двери, спросила она, – За стол пора уже, простынет всё...

За окном большими хлопьями медленно падал на землю пушистый снег. Серёжка, опираясь руками на тяжёлую квадратную подушку оттоманки, смотрел в окно на широкое белое поле, простиравшееся там почти до самого горизонта. Ещё неделю назад, глядя в это окно, можно было различить волнистые линии пашни, которые осенью нарезал серый гусеничный трактор, таская за собой широкий плуг по этому полю. Он, рыча, уходил к горизонту, к самой кромке леса, где заканчивалось поле, почти пропадал из виду, ныряя в низину, и снова карабкался в гору, натужно кряхтя вдалеке мотором. Потом маленькой, еле различимой букашкой, двигался вдоль кромки леса, медленно поворачивался и, блестя своими отполированными гусеницами, катил обратно. Следом за ним поднималась волнами чёрная земля, по которой скоро, с важным видом, начинали ходить вороны.

Трактор, закончив пахать одно поле, на следующий день перебирался через дорогу на соседнее, кружил там, уходя и возвращаясь, а вечером отцеплял свой плуг, оставлял его на краю поля и налегке бежал километр за речку, к дому, где жил тракторист. Утром трактор возвращался, подцеплял свой плуг, смешно покачиваясь, переваливался через дорогу, и снова рисовал волны своим плугом на поле с ёжиком соломенной отавы, – это всё, что осталось от высокой ржи, которая в конце лета была в два раза выше самого Серёжки. Летом он забирался в неё всего на пять своих шагов и полностью пропадал в её сначала зелёных, потом золотых, стенах. Набрав маленьких стручков, он, сидя на тёплой земле, как мышонок, грыз твёрдые, похожие на чёрные перчинки, только совсем не горькие горошины, и слушал, как вокруг него, переговариваясь, стрекочут кузнечики...

Осенью целую неделю Серёжка, переходя от одного окна к другому, смотрел, как трактор кружит по полям. Он запомнил и повторял все движения, которые делал тракторист, сидя в кабине этого рычащего и лязгающего гусеницами самоходного механизма. Когда трактор перестал появляться перед домом, Серёжка забрался на высокую кровать с металлической спинкой и, схватившись за её прутья, словно за рычаги управления, представил себя трактористом, а надув щёки и высунув наружу язык, изобразил громко работающий мотор! Закончив пахоту, Серёжка, представив себя трактором, стал бегать вокруг стола, отсчитывая километр до дома за речкой, разбрызгивая с высунутого языка в стороны капельки слюны от удовольствия.

Набегавшись, мальчишка решил сделать ремонт первому варианту стального коня. Он забрался на кровать и отвинтил с её спинки все бобышки и шарики. Они были тяжёлые и, капризная, никак не хотели накручиваться обратно на свои места. Вдобавок, добрая половина из них застряла между стенкой и матрасом, и никак не хотела проваливаться под кровать. За такой «ремонт» Серёжке тогда попало от деда, который, взяв плоскогубцы, затягивал возвращённые назад шарики, при этом, то ли ругая, то ли восхищаясь способностями внука.

Теперь за окном темнел вдали только лес, а все дома, изгороди и постройки в деревне, надев зимние шапки, стояли, занесённые снегом, которого в избытке принесли студёные ветра в последнюю неделю этого года.

Не отрывая взгляда от окна и крепко держась за подушку руками, мальчишка начал прыгать на запевших под его ногами пружинах матраса оттоманки. Послушав песню пружин и вдо-сталь напрыгавшись, он соскочил на пол, застеленный домоткаными половиками. Пол гулко отозвался под его пятками, а ступни ног ощутили прохладные рядки плотно набитой ткани. Осторожно наступая на пёструю дорожку, Серёжка подошёл к высоким белым дверям и, ухватившись за ручку, навалился всем своим весом на тяжёлую дверь. Она тут же широко распахнулась и вытащила за собой мальчишку прямо на крашенные доски пола первой половины дома.

– Ты чего босичиной? – строгий голос деда донёлся откуда-то из-за большой русской печки.

Серёжка обернулся на голос, да так и застыл, держась вытянутой кверху рукой за ручку двери. В клубах белого пара, прорывающегося низом из сеней в избу, стоял на пороге дома дедушка в своей шубе. Голова его была не покрыта, и шапкой, которую он держал в руке, дед смахивал с шубы хлопья снега, второй рукой он притворял за своей спиной входную дверь. Дверь, закрывшись, щёлкнула своим замком, клубы пара метнулись наверх и пропали. Дедушка крякнул, прихлопнул себя рукой в рукавице по груди и притопнул ногой, обутой в валенок:

– Хорош морозец, славный! – он зацепил свою шапку на крючок и, сняв рукавицы, бросил их на невысокий стульчик рядом с умывальником.

Расстёгивая пуговицы, дедушка поглядывал в сторону Серёжки, которого, после первого же дедушкиного притопа, унесло обратно во вторую половину. Приоткрыв двери, мальчишка глянул на деда и снова выставил босую ногу на пол.

– Куда ты босиком! – дедушка уже повесил свою шубу и теперь снимал свой клетчатый шарф.

– Деда, быстрее, горшок! – рука мальчишки указательным пальцем показывала на пол в углу возле умывальника.

– Ах, ты, Господи, сейчас, сейчас.

Вторая штанина оказалась очень упрямая и никак не хотела пропускать через себя ногу. Она всячески изворачивалась, перекручиваясь, то вдруг внезапно загибалась, или вообще становилась невидимой, и обе Серёжкины ноги каким-то образом оказывались вместе в тесноте одной штанины, а вторая, хитрая, тут же оказывалась сбоку и была совершенно пустая. Когда мальчишке всё же удалось просунуть в строптивницу ногу, оказалось, что заплатка с правого колена перебралась, почему то, под коленку на другой ноге. Справиться со свитером было гораздо проще: на его передней стороне, по светлой полоске, бежали олени, и для Серёжки самое трудное было – просунуть свою голову в его узкое горло. Самые послушные из всей кучи одежды были, как всегда, носки из овечьей шерсти, связанные бабушкой специально для Серёжкиных ног, с небольшим запасом на вырост.

Взявшись руками за край одеяла, мальчишка, стараясь изо всех сил, стал натягивать его на подушку. Старательно разгоняя складки руками, он обегал при этом оттоманку и, забираясь через её круглые валики, всё тянул вырывающееся из рук тяжёлое одеяло, и никак не мог справиться с большой складкой посередине постели. Намучившись, он просто прихлопнул по ней руками сверху и, победоносно посмотрев на присмирившее одеяло, повернулся и поспешил из второй половины к умывальнику. Сверху, за ним следом, быстро перепрыгивая щели между потолочинами, зашепила маленькая чёрная точка.

– Дедушка, поставь мне, пожалуйста, свой стульчик, я мыться буду! – попросил Серёжка деда, не в силах передвинуть невысокий стул, с толстым и тяжёлым сиденьем.

С виду неказистый и больше похожий на приплюснутого барашка, этот стулок, выдолбленный в виде широкой и неглубокой чаши, на растопыренных круглых ногах, всегда стоял между умывальником и топкой печи второй половины. Круглую голландскую печь второй

половины дома растапливали по вечерам, закладывая поленья в её топку, проходившую через толстую перегородку рубленого пятистенка.

Для начала Серёжка с дедом шли со двора до самой дальней поленницы, которая прижималась возле колодца к обратной стороне бани. Вырастая в конце лета в высоту и вширь, поленница пестрела тёмными сучками на бересте и быстро таяла в сильные морозы. Тропинка, что вела к ней, могла исчезнуть за одну ночь, или пропасть даже днём, растворившись в густом молоке снежной метели, прилетавшей откуда-то из-за далёкого леса проведать жителей деревни, и, как всегда, оставлявшей после себя горы неубранного снега. Идти в темноте по редко натоптанной тропе было неудобно, – ноги всё время норовили заступить за её край, соскользнуть вниз и утащить за собой в сугроб мальчишку. Серёжка, идя следом за дедушкой, старался наступать на отпечатки его следов и, широко шагая позади, напоминал деду, чтобы тот делал шаги покороче.

Дедушка, набирая целую охапку звонких поленьев, подавал пару-тройку полешек поменьше внуку, и они отправлялись в обратную дорогу. Теперь уже Серёжка, обхватив двумя руками свои поленья, осторожно шагал впереди к крыльцу дома, и теперь уже дедушка напоминал внуку:

– Смотри, осторожнее, внучок, не оступись в потёмках!

– Не бойся, дедушка! Я хорошо вижу, – отвечал мальчишка, крепко прижимая свою ношу к груди.

Мороз кусал за щёки и, страдая, скрипел под ногами, но звёзды уже ярко светили, показывая мальчишке верную дорогу, и он, гордый тем, что идёт впереди, смело ставил свою ногу в темную глубину снежной тропинки.

Грохнув поленьями об пол, дедушка присаживался на свой маленький стул, доставал лучину для растопки, чиркал спичкой, поджигая её, и вскоре за дверцей начинал шуметь огонь. Серёжка садился рядом сначала на корточки, потом опускался прямо на пол, снимал шапку и, расстегнув пальто, не отрываясь, смотрел на маленькие круглые отверстия, величиной с карандаш, которые в один ряд шли по низу дверки. За этими отверстиями вдалеке начинали свой танец языки огня. Поначалу робкими, еле заметными лепестками, поднималось пламя по дровам, аккуратно заложенным в печи. Потом, шипя и потрескивая, огонь, разгораясь с каждой минутой всё сильнее и сильнее, набирал силу, и уже не надо было разглядывать то, что происходило там, за дверкой. Огонь гудел и метался в печке, стучал в дверку, и она, скоро нагревшись, начинала полыхать жаром. Серёжке всегда почему-то хотелось потрогать её горячую поверхность, и порой его рука непроизвольно тянулась к раскалённому металлу, но всегда другое чувство предупреждало об опасности, заставляя остановиться и спрятать руку за спину.

Дверца накалялась, постепенно все принесённые дрова перебирались в топку печи, и дедушка доставал из кармана сложенный в несколько раз пожелтевший газетный лист. Из другого кармана появлялся кисет с табаком, и, запустив в его внутренность пальцы, дед доставал и высыпал в оторванный и согнутый у края небольшой газетный прямоугольник несколько щепоток махорки. Покрутив немного в пальцах этот газетный клочок, загнув его другой край и снова покрутив, дедушка, словно заправский фокусник, проводил несколько раз вдоль него пальцами, – и оп! Во рту у него уже оказывалась свёрнутая сигарка.

Приоткрыв немного дверку у печи, дедушка прикуривал её и, светя в темноте красным светлячком, выпускал струйку дыма, наклоняясь к топке. Дым волшебным образом, повинувшись дедушке, улетал весь без остатка в приоткрытую щель, и растворялся в печке, перемешиваясь там с огнём и жаром.

Становилось жарко, и дедушка, сняв шубу и валенки, ходил во вторую половину трогать печку, скоро возвращался, заглядывал через окошко на звёздное небо и обращался к Серёжке, неподвижно сидящему на полу возле стульчика:

– Серёж, ты полегче, сходи, внучок, принеси ещё пару полешек. Подкинем, да и хватит, а то ночь морозная будет!

– Хорошо, дедушка! – срывался с места мальчишка, на ходу надевая шапку и продевая пуговицу в тугую петлю пальтишка.

Лишь когда прогорали последние головешки, и дедушка, поворошив длинной кочергой в углях, прикрывал заслонку и уходил зажигать керосиновую лампу над большим обеденным столом, лишь только тогда Серёжка садился на этот стул и заворожённо смотрел в отверстия дверки, на гаснущие в глубине печи малиновые угольки. До этого момента место главного истопника и главного рассказчика принадлежало только дедушке...

– Дедушка, ты чего, не слышишь, что ли? – повторил Серёжка громче, – Поставь мне свой стулок!.. Вода была холодная, а дедушкина ладонь – непривычно шершавая. Почистив зубы, Серёжка, стоя на смирном стульчике-барашке, наклонял лицо к раковине, а дедушкина ладонь поднимала вверх ножку рукомойника, набирала пригоршню воды, освежала лицо, и шершаво тёрлась о нос и щёки мальчишки.

– Ну, готов? – спросил дедушка отфыркивающегося внука.

Тот в ответ только кивнул головой, и дед принялся вытирать Серёжке лицо твёрдым льняным полотенцем. Закончив, легонько подтолкнул его в сторону стола, на котором уже исходила паром, лёжа прямо на чугунной сковороде, стопка блинов. Серёжка забрался на высокий табурет, поставленный на другом краю стола, как раз напротив того места, где обычно садился дедушка. В его тарелке гладкой горкой возвышалась каша, и по ней, медленно опускаясь вниз, скользил, оставляя за собой жёлтый след, кусок сливочного масла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.